

А ПОЛЛОНКАТУ — не-
большая улочка близ
знаменитого дворца «Фин-
ляндия». Несколько лет я
прожил в этом районе и не
мог даже предположить, что
судьба подарит знакомство с
удивительным человеком...

Мы поднимаемся по лест-
нице скромного дома в квар-
тиру 44. В этом доме живут
деятели искусств, вышедшие
на пенсию. У каждого — от-
дельная квартира. Жизнь
здесь не остановилась, но, ра-
зумеется, много связано с
воспоминаниями, которые,
увы, уже в прошлом.

Об этом напоминает заве-
шанная фотографией сте-
на — ее видно с порога. Глав-
ное фото — в самом центре:
Федор Иванович Шалаяпин,
знаменитый бас, сфотографи-
рован в профиль. Темная ба-
бочка, серый пиджак, трону-
тые седой волос. Разма-
шистая подпись наискось:
«Мадемуазель Ирья Ахолой-
нен с наилучшими пожела-
ниями, Федор Шалаяпин.
1935 год».

Ирья Ахолойнен, в про-
шлом известная финская пе-
вица, рассматривает фотогра-
фию вместе с нами. Сколько
воспоминаний вызывают ста-
рые снимки!

Шел 1935 год. В то вре-
мя Федор Иванович много
гастролировал. Я убедился в
этом несколько позже, про-
сматривая подшивки газет,
которые выходили тогда в
Осло, Хельсинки, Стокголь-
ме, Копенгагене. С первых
полос не сходили его фото-
графии — и в «цивильной»
одежде, и в гриме.

— Мы узнали, что в нояб-

ОДНА ВСТРЕЧА — И ВСЯ ЖИЗНЬ

ре 1935 года Федор Шала-
пин придет к нам и будет
петь на сцене нашей Фин-
ской оперы в «Севильском
цирюльнике» и в «Фау-
сте». — начала свой рассказ
Ирья Ахолойнен. — Я долж-
на была петь партию Марга-
риты.

И вот наконец подошел
день приезда великого певца.
Решено было встретить его
на пристани. В Южную га-
вань пришло в тот вечер мно-
го народа. Собралась здесь и
почти вся наша оперная труп-
па. Все мы очень волнова-
лись. Не терпелось посмот-
реть, что же он за человек —
Федор Шалаяпин. В газетах
писали разное, рассказывая
всякие истории. И вот видим:
по трапу спускается очень
видный, прямой и стройный
господин. Он сразу же про-
извел на нас необыкновенно
приятное впечатление. Эта
первая встреча была очень
важна — сразу же развея-
лись все страхи и предубеж-
дения.

Мне было особенно прият-
но и увидеть русского чело-
века, и работать с ним. Ведь
я в детстве жила в Петербур-
ге. Родилась в 1904 году в

Хельсинки, но затем вместе с
родителями переехала на не-
сколько лет в город на Не-
ве — здесь отец работал кон-
дуктором на железной дороге.
Помню, как ходила в пестер-
бургскую школу, как там же,
в Петербурге, начала петь.
Но настоящее образование
получила уже в Хельсинки,
куда семья вернулась в 1918
году.

Встреча с Федором Ивано-
вичем, кроме всего прочего,
напомнила годы детства...
Перед его приездом мы, ар-
тисты, перечитали все газет-
ные рецензии и сообщения о
его работе в разных театрах.
Волновались, конечно, осо-
бенно когда читали, как он
спорит с дирижерами, как
строго, а порой даже резко
отстаивает свое мнение. Но у
нас в театре с первого дня
все пошло иначе. Шалаяпин
сразу одобрил работу нашего
дирижера Лео Фунтека. И все
пошло хорошо. Правда, была
одна заминка, один случай, о
котором я поначалу и не хо-
тела вспоминать. Однажды
на репетиции Арнольд Тильг-
ман, исполнявший партию
графа Альмавивы в «Севиль-
ском цирюльнике», допустил

какую-то небольшую ошибку,
слегка сбился с ритма. Ша-
ляпин схватил его за руку и
начал отсчитывать ритм так,
как находил нужным. Я шеп-
нула директору Фацеру: если
Шалаяпин подойдет ко мне и
попытается и меня «поправ-
лять» таким же образом, я
этого не позволю. Но все обо-
шлось благополучно. Кроме
этого эпизода, дальнейшие
репетиции шли спокойно.
Каждый старался быть пре-
дельно внимательным. Это-
му, по всей видимости, спо-
собствовало и то, что и сам
маэстро был спокоен и сосре-
доточен и всем своим видом
внушал нам уверенность в
успехе.

Я не замечала, чтобы Ша-
ляпин нервничал, волновал-
ся. Перед выступлением был
очень оживлен, подбадривал
нас. Когда выходил на сцену,
мы все толпились за кулиса-
ми. Было тесно, но никто не
хотел расходиться, — мы
жадно наблюдали за этим
выдающимся артистом. Все,
кто работал с ним, постоянно
чувствовали: это необыкно-
венный человек. В нем было
что-то, что выделяло его из
массы других людей, — ка-

кая-то внутренняя сила и оба-
яние.

Актриса показывает боль-
шой альбом, в котором со-
браны рецензии, фотогра-
фии, — это тоже история.

— Вот взгляните, что пи-
сала газета «Хельсингин са-
номат» 24 ноября 1935 года
об одной из репетиций «Фа-
уста», о том, как работал
Шалаяпин. «Смотрите, — го-
ворит он окружившим его ар-
тистам. — Шпага в руках у
Валентина вдруг сломалась.
Он удивлен, испуган — то же

испытывает и толпа вокруг.
Вы (Шалаяпин обращается к
статистам. — Н. Г.) подбегае-
те к нему, вы словно стадо
испуганных овец, вы не пони-
маете, что случилось, но
смутно чувствуете, что про-
исходит нечто сверхъестест-
венное... Тогда Валентин
поднимает крестообразную
рукоятку своей шпаги и об-
рашает ее в сторону Мефи-
стофеля. Вы следуете его
примеру. Ага, вот ты и попал-
ся, злой дух... Ближе ко мне,
ближе, вы окружаете меня со

всех сторон, черт не должен
убежать, не должен спря-
таться... — Этот блестящий
эпизод, показавший все вели-
колепие игры Шалаяпина,
публика увидела в спектак-
ле. — Злой дух трепещет, его
колени дрожат, черты его
лица искажаются, он почти
падает, а толпа понемногу
отходит, как бы отгоражи-
ваясь от него крестообразны-
ми рукоятками шпаг».

После «Фауста» был «Се-
вильский цирюльник». Весь
город тогда говорил об этих

спектаклях, — продолжает
И. Ахолойнен. — У нас в
Финляндии есть такой обы-
чай: если актеру хотят пода-
рить цветы, их передают до
спектакля за кулисы. А по-
том актер выходит на сцену,
держа в руках букет. В тот
раз мы договорились, что
выйдем на сцену без цветов.
И только Шалаяпин стоял с
огромным букетом. Таким
образом мы хотели подчерк-
нуть свое искреннее восхи-
щение этим великим масте-
ром. А после второго спек-
такля Шалаяпину от имени
труппы был подарен фин-
ский домотканый ковер. Он
был очень доволен этим зна-
ком внимания.

Этот эпизод в Финской на-
циональной опере помнят.
8 сентября 1988 года в теат-
ре была возобновлена поста-
новка «Севильского цирюль-
ника». В выпущенном специ-
ально к премьере буклете
опубликована фотография,
запечатлевшая этот момент:
Федору Шалаяпину вручают
ковер.

Наша беседа подходит к
концу.

— Каждый раз, когда
подхожу к этой стене с фото-
графиями, сразу оживают
воспоминания, — говорит И.
Ахолойнен. — Столько лет
прошло, а дни эти не забы-
ваются.

Николай ГОРБУНОВ.
(Корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры»).

ХЕЛЬСИНКИ — МОСКВА.

● Ирья Ахолойнен.